

ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛНОТУ ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

THE INFLUENCE OF TRANSLATOR'S PERSONALITY ON THE AUTHOR'S INDIVIDUAL STYLE

**Yu. Borisenko
K. Saytaeva**

Summary: The article focuses on the problems of preserving the peculiarities of the author's individual style while translating S. Chbosky's novels from English into Russian. The paper's objective was to study subjective factors of literary translation, namely, translator's linguistic personality. The conducted translation analysis proved that the translator made a great impact on the target language texts, making ample use of colloquial vocabulary, such as slang and vulgarisms. That leads to a distorted view of speech profiles of the characters. Thus, alternative variants of translation that convey key elements of the author's writing style were provided.

Keywords: literary translation, individual style, translator's linguistic personality, colloquial vocabulary.

Борисенко Юлия Александровна

к.филол.н., доцент ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет» (г. Ижевск)
Julie_bor@mail.ru

Сайтаева Кристина Станиславовна

магистрант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет» (г. Ижевск)
Saytaeva1999@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы передачи индивидуально-го стиля автора художественного произведения при переводе на материале романов С. Чбоски и их переводов на русский язык. Цель исследования заключается в исследовании субъективных факторов художественного перевода, таких как языковая личность переводчика. Сопоставительный анализ оригиналов и переводов свидетельствует о заметном влиянии личности переводчика, которое выражается в неоправданном снижении стилистического регистра, что, в свою очередь, приводит к искажению речевого портрета персонажей. В целях достижения адекватности перевода были предложены альтернативные варианты перевода, в которых учтены особенности индивидуально-авторского стиля.

Ключевые слова: художественный перевод, идиостиль автора, языковая личность переводчика, сниженная лексика.

Художественный стиль занимает особое место среди функциональных стилей речи. Художественный текст является уникальным творческим продуктом деятельности писателя, что проявляется не только в использовании характерных для автора языковых единиц и стилистических приемов, но и в выборе темы, идеи и жанра.

Согласно представителям функционального подхода к исследованию авторского стиля, таким как В.В. Виноградов, В.П. Григорьев и Е.А. Некрасова, совокупность характерных для автора языковых средств и связанных с ними экстралингвистических факторов образует идиостиль автора, который понимается как «сложная система взаимообусловленных языковых приемов, участвующих в построении художественного мира писателя, а также совокупность формально-структурных параметров, которые отражаются в конкретном языковом материале» [1, с. 124].

Главной целью любого художественного текста является оказание эстетического воздействия на читателя. Именно поэтому основным критерием качества перевода художественного текста считаются как полнота передачи оказываемого эстетического эффекта, так и сохранение авторского своеобразия, которое напрямую влияет на эмоциональность и экспрессивность текста.

В то же время перевод художественного текста осложняется несколькими факторами: первая проблема связана с неизбежной разницей между культурами языка и перевода, что, впоследствии, приводит к различным языковым картинам мира. Из этого следует, что язык автора определяется не только индивидуальными особенностями его речи, но и определенной картиной мира, которая существует у него в сознании как у носителя конкретного языка. Другая проблема, непосредственно вытекающая из предыдущей, заключается в том, что переводчик, будучи представителем другой культуры и носителем другого языка, обладает собственной языковой индивидуальностью и свойственными ему способами выражения знаний о мире. В некоторых случаях введение изменений в художественный текст обусловлено разницей между языками, способом выражения тех или иных смыслов, поэтому в таких ситуациях переводчик выступает в качестве посредника между двумя культурами. Однако в тех случаях, когда происходит искажение смысла или изменение оказываемого воздействия, речь идет о столкновении личностей автора и переводчика и неоправданном изменении создаваемого при прочтении эффекта и впечатления.

Проблема влияния личности переводчика на перевод художественного текста стала одной из актуальных в современной практике перевода, а ее решение связа-

но с детальным анализом стиля автора и пониманием авторской интенции, а также с поиском способов их выражения на языке перевода.

Материалом для настоящего исследования послужили романы американского писателя С. Чбоски "The perks of being a wallflower" (1999) и "Imaginary friend" (2019) и их переводы на русский язык «Хорошо быть тихоней» (2012) и «Воображаемый друг» (2019), выполненные Е.С. Петровой.

В ходе лингвостилистического анализа было установлено, что доминантными приемами в обоих романах являются синтаксические стилистические средства, однако последующий сопоставительный анализ оригинала и перевода текстов показал, что наибольшее количество расхождений встречается не на уровне синтаксиса, а на уровне лексики: в романах С. Чбоски общий тон повествования можно определить как нейтральный, тем не менее, анализ перевода обоих романов показал, что нейтральный характер повествования зачастую не сохранен – вместо этого многие слова и выражения нейтрального регистра переданы с помощью сниженного пласта лексики: разговорных фраз, просторечий, сленга или вульгаризмов.

Рассмотрим, каким образом субъективные предположения переводчика влияют на выбор языковых средств выражения. Так, существенные искажения стиля можно наблюдать при передаче глаголов-действий.

Например, глагол "to talk" в предложенном русском переводе передан с помощью целого ряда разговорных вариантов:

"We mostly just talked about things like girls and movies and music..." [4, с. 72]. – «Трепались о девчонках, о кино, о музыке и так далее» [3, с. 77].

"We talk to each other like that every now and then" [4, с. 148]. – «У нас с ней иногда бывает такой мпен» [3, с. 152].

"I did ask her questions, and I let her talk the whole time" [4, с. 149]. – «Задавал ей вопросы, не перебивал, когда она трещала без умолку» [3, с. 153].

"After she got done talking about it that time, I didn't think I'd ever really need to read it myself" [4, с. 176]. – «После ее выпендрежа ни за что не стану читать этот сборник» [3, с. 180].

Несмотря на то, что глагол "to talk" имеет ряд соответствий в русском языке, в том числе стилистически сниженных, это не является достаточным основанием для использования разговорных единиц «трепаться», «трещать» и «выпендреж», так как такие варианты передачи оригинала значительно огрубляют перевод, добавляют высказываниям дополнительную эмоциональную окраску, которую не закладывал автор, и создают неэквивалентное впечатление не только о герое, его речи и уров-

не образования, но и об авторе текста. В данном случае решение переводчицы использовать разговорные лексические единицы неоправданно, наиболее уместными для перевода данного глагола будут варианты «говорить», «обсуждать», и «болтать», которые, в отличие от предложенных вариантов перевода, не несут в себе негативной окраски и яркой разговорной составляющей.

В романе «Воображаемый друг» рассказывается об истории семилетнего мальчика. Для воссоздания речи юного героя и его сверстников автор использует несложные слова и выражения, характерные для детей данного возраста, в том числе фразовые глаголы. Однако при переводе вновь наблюдается огрубление лексической составляющей текста, к тому же происходит искажение смысла:

"You stayed up past midnight!" [5, с. 89]. – «До утра, что ли, колобродил?» [2, с. 89].

Выбранный для русского перевода глагол «колобродить» является просторечием, имеющим негативную окраску со значением «ходить без дела», «вести себя суетливо, шумно». Его использование в сочетании с обстоятельством времени «до утра» вкладывает в текст иной смысл – «колобродить до утра» означает не спать до рассвета или всю ночь, что не соответствует фразе "to stay up past midnight", которую автор использует в оригинале и которая не имеет негативной коннотации. Кроме того, использование просторечий не свойственно детской речи: основу пользователей данной группы лексики составляют пожилые люди, именно поэтому введение просторечия «колобродить» для характеристики речи семилетнего ребенка представляется нецелесообразным. Вместо этого можно предложить более адекватный вариант перевода для данного фрагмента: «Ты лег спать только после полуночи?!».

Отклонение в стилистической маркированности можно также встретить при передаче глагола-действия "to go back":

"I was in my bed trying to figure out why sometimes you can wake up and go back to sleep and other times you can't" [4, с. 201]. – «Я еще валялся в постели и размышлял, почему иной раз проснешься – и тут же снова задрыхнешь, а бывает, что сна ни в одном глазу» [3, с. 206].

Использованный автором фразовый глагол "to go back to" относится к нейтральному регистру лексики и имеет значение «вернуться к чему-то», в данном контексте речь идет о возвращении ко сну. Предложенный вариант перевода, в отличие от оригинала, имеет резкий разговорный характер, поэтому не может быть признан адекватным. Глагол «задрыхнуть» относится к просторечиям и обычно используется с оттенком неодобрительности, что не соответствует контексту описываемой в оригинале ситуации. Для того чтобы избежать снижения

стиля речевого портрета персонажа, можно предложить альтернативный вариант перевода:

«Я лежал в кровати и пытался понять, почему иногда, когда ты просыпаешься посреди ночи, ты можешь снова заснуть, а иногда – нет».

Существенные отклонения в стиле можно наблюдать также при передаче лексики, связанной с названиями членов семьи:

“Guys, maybe we should have told our parents where we’re going,” Matt said. [5, с. 125] – «Ребзя, а может, стоило рассказать предкам, куда мы пошли? – подал голос Мэтт» [2, с. 127].

“A tree house? My dad made me one from a kit once.” [5, с. 118] – «Домик на дереве? Мне папаша как-то собрал такой из конструктора, прикинь» [2, с. 120].

“Michael never left a note or at least his parents didn’t let anyone see it.” [4, с. 6]. – «Никакой записки он не оставил – ну, или предки ее заныкали» [3, с. 14].

“The boy’s mother was very very angry and screamed at her son. The boy’s father kept quiet” [4, с. 39]. – «Его мамаша вышла из себя и разоралась на сына. Его папаша молчал» [3, с. 44].

В обоих переводах романов наблюдается закономерность в использовании просторечий и сленга для передачи слов нейтрального регистра. Это приводит к огрублению речевых портретов героев и искажению представления читателей о том, как персонажи романов относятся к концепту семьи в целом. Сленг и просторечия несут в себе сильную эмоционально-экспрессивную окраску, их использование не характерно для всех слоев населения. Напротив, их употребление свойственно определенной социальной группе людей, чью речь нельзя признать литературной и образованной. В романе «Хорошо быть тихоней» автор проводит контраст между главным героем-подростком и его сверстниками через их язык: главный герой использует разговорные выражения только в случае цитирования других людей, при этом он использует кавычки. Во втором исследуемом романе писателя «Воображаемый друг» главным героем является семилетний мальчик, который увлекается чтением и имеет развитое воображение. Следовательно, решение переводчицы снизить стиль речи обоих героев в романах не является мотивированным и приводит к искажению создаваемых образов. Учитывая происхождение героев и особенности их характера и поведения, представляется целесообразным сохранить нейтральный характер представленных выше фрагментов:

«Ребят, а может нам стоило рассказать родителям о том, куда мы пошли? – спросил Майк».

«Домик на дереве? Мой nana как-то собрал такой из конструктора».

«Майкл не оставил предсмертной записки, или, по крайней мере, его родители ее никому не стали показывать».

«Мама мальчика была очень рассержена и начала ру-

гать его. А отец стоял и молчал».

В переводах романов стиль повествования также снижается за счет введения стилистически сниженной лексики для передачи существительных. Выбранные переводчицей варианты перевода существенно искажают впечатление читателей о языке автора и привносят в текст перевода иной смысл.

В начале романа «Хорошо быть тихоней» описывается встреча главного героя с группой психологов, которых пригласили для беседы с учениками. Форма романа от первого лица позволяет отразить не только речь, но и мысли главного героя в этот момент:

“What was so strange about this was the fact that I had never met this man because he was a “specialist” and he knew my name” [4, с. 10]. – «Вот удивительно: я с этим кренделем никогда раньше не сталкивался, потому как он “специалист”, так откуда, спрашивается, он мое имя узнал?» [3, с. 13].

В переводе мы можем наблюдать, как происходит огрубление описываемых размышлений героя и необоснованное добавление лексической единицы с негативной коннотацией. Обратившись к контексту описываемой ситуации, становится понятно, что герой не был раздражен или зол: он был удивлен тем, что незнакомый ему человек знал его имя, однако обращение к психологу описательно с помощью сочетания “*this man*” продиктовано не стремлением оскорбить, а нерелевантностью упоминания имени в данном случае. При переводе данного предложения Е.С. Петрова вводит разговорную лексическую единицу «крендель», имеющую яркую эмоционально-экспрессивную окраску и принадлежащую к воровскому жаргону, что приводит к искажению речевого портрета главного героя и неадекватному эффекту. К тому же, общий тон предложенного варианта перевода нельзя признать нейтральным и эквивалентным оригиналу, само построение высказывания несет в себе сильный разговорный характер и повышенную эмоциональность. Возможно, предпочтительнее будет более нейтральный вариант перевода, в котором будет сохранен сдержанный характер высказывания:

«Было так странно, потому что я этого человека никогда в жизни не видел, так как он был «специалистом», а он обращался ко мне по имени».

Пожоую ошибку можно наблюдать в следующем фрагменте:

“As far as he was concerned, the only important thing was getting their help to keep their son away from his daughter” [4, с. 41]. – «У него была единственная цель: заручиться их поддержкой, чтобы отвести этого перца от моей сестры» [3, с. 45].

Если в оригинале автор выдерживает нейтральный

стиль речи, тем самым подчеркивает разницу между главным героем и его сверстниками, чья речь изобилует разговорными выражениями, сленгом и вульгаризмами, то в переводе романа из-за избыточного количества сниженных лексических единиц происходит опoшление создаваемого образа главного героя и стирание проводимого автором контраста. Передача стилистически нейтрального существительного "son" с помощью сленга «перец» значительно сказывается на качестве перевода и свидетельствует о неполном знакомстве переводчицы с авторской интенцией, его стилем письма и системой персонажей. Чтобы снизить экспрессивность высказывания, следует остановиться на нейтральном варианте перевода – «их сын».

Несмотря на то, что автор редко приписывает использование сниженной лексики главным героям, в романах все же можно встретить примеры употребления молодежного сленга:

"My sister did help me trim it up a bit, and I was lucky because everyone in school including Sam and Patrick thought my hair looked cool. "Chic" was Patrick's word" [4, с. 131]. – «Сестра кое-как подровняла это безобразие, и мне очень повезло, потому что в школе все ребята, включая Сэм и Патрика, сочли, что это крутой причесон. Патрик даже сказал «шикарно» [3, с. 135].

В данном случае сленг используется для характеристики речи одного из друзей главного героя: прилагательное "chic", заимствованное из французского языка, употребляется в значении «модный», «стильный», или даже «крутой». Предложенный Е.С. Петровой вариант перевода не удовлетворяет критерию качества: наречие «шикарно» не сохраняет заложенный автором эффект, так как оно, несмотря на свой оценочный характер, не передает разговорный стиль реплики; кроме того, в представленном варианте перевода для передачи ней-

тральной лексики необоснованно используются разговорные слова: «волосы – безобразие», «прическа – причесон», что негативно сказывается на эквивалентности стиля языка. В данном случае замену одной разговорной единицы на другую в рамках данного предложения нельзя назвать обоснованной, так как искажается речевой портрет героев. Учитывая данные аспекты, можно предложить альтернативный вариант перевода, в котором будет сохранена как нейтральность речи главного героя, от лица которого ведется повествование, так и разговорная окраска цитируемой реплики:

«Сестра помогла мне привести волосы в порядок, и я был рад, потому что в школе всем, включая Сэм и Патрика, понравилась моя новая стрижка. Патрик даже сказал «шикардос»».

Таким образом, сопоставительный анализ оригинала и перевода романов «Хорошо быть тихоней» и «Воображаемый друг» С. Чбоски показал, что в переводах наблюдаются существенные искажения идиостиля автора, а именно снижение стилистической окраски используемых лексических единиц, что обусловлено влиянием личности переводчицы на выполняемый перевод. Субъективные предпочтения переводчицы в данном случае реализуются в виде чрезмерного употребления разговорной лексики для передачи слов нейтрального регистра, вследствие чего в переводах романов создается отличный от оригинала эффект, а читатели переводов получают иное, искаженное представление о художественных образах персонажей и авторском стиле. Чтобы избежать существенных расхождений между текстами оригинала и перевода и сохранить создаваемый при прочтении эффект, особенно важно уделять внимание всем особенностям авторского своеобразия и на этапе предпереводческого анализа детально проанализировать текст как на лингвистическом, так и на экстралингвистическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасова Е.А. А. Фет, И. Анненский: Типологический аспект описания / Е.А. Некрасова. – М.: Наука, 1991. – 129 с.
2. Чбоски С. Воображаемый друг. – Пер. с англ. Е.С. Петровой. – Москва: Эксмо, 2019. – 736 с.
3. Чбоски С. Хорошо быть тихоней. – Пер. с англ. Е.С. Петровой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 288 с.
4. Chbosky S. The Perks of Being a Wallflower. Pocket, 2009. – 240 p.
5. Chbosky S. Imaginary Friend. Grand Central Publishing: First edition, 2019. – 720 p.

© Борисенко Юлия Александровна (Julie_bor@mail.ru), Сайтаева Кристина Станиславовна (Saytaeva1999@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»